

Оришева О. Ф., Князева Е. М.

Проблема "буквы" и "духа" открытий Фрейда в структурном психоанализе Жака Лакана¹

Лакан сложен. Однако это не сложность труднообозримой конструкции, наградой за освоение которой, становится способность ориентироваться в том или ином мыслительном пространстве. Руководствуясь нормальным желанием *понять* тот или иной текст, мы невольно прибегаем к герменевтической процедуре, которая напоминает набрасывание плана малознакомой местности: по мере углубления в читаемое мы расставляем какие-то "вешки", "ориентиры", благодаря которым движение чтения должно приобрести целенаправленный и максимально упорядоченный характер. В случае Лакана подобная стратегия, что называется, "не работает"; создается впечатление, что любая вспомогательная "карта" упраздняется уже в момент ее составления. Возникающее при этом ощущение, что некий единый контекст, к которому отсылает (или должна отсылать) лакановская мысль, либо безвозвратно утерян, либо не существовал в принципе, способно довести до отчаянья самого усердного читателя. ("А хотели автор вообще сказать нечто определенное?")

Действительно, написанное Лаканом трудно назвать "текстом" в привычном смысле, который предполагает наличие минимальной логической связности, композиционного единства, более-менее четких переходов от одного смыслового блока к другому и т. д. По крайней мере, обнаружить нечто подобное в его работах достаточно непросто. В качестве возможного объяснения этих "странностей" можно сослаться на то, что Лакан был озабочен не столько внешним оформлением своих идей, сколько тем, чтобы научить, воспользовавшись выражением Ш.Фелман, "тому, чему научить невозможно", - искусству психоаналитического толкования. Большинство известных русскоязычному читателю текстов первоначально представляли собой *устные* сообщения (лекции, доклады, семинары), обращенные к достаточно узкой аудитории "посвященных", в чем неоднократно признается сам Лакан. Так, работе "Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда" мы обнаруживаем следующий пассаж: "... чтобы удержать данный текст на том уровне, на котором мое учение должно быть здесь представлено, он не должен заметно уклоняться от устной речи с ее совершенно иными масштабами, соблюдение которых существенно для достижения тех результатов, которых я добиваюсь как преподаватель"². С другой стороны, "темнота" лакановских произведений по-видимому искусственно форсировалась самим автором, пожелавшим сделать вход в свои тексты максимально затруднительным.

¹ Текст статьи опубликован в: Ноумен: Сб. науч. Работ аспирантов факультета философии и соц. Наук БГУ / Сост. Д В. Майборода; Редкол.: А. И. Зеленков и др. – Минск: БГУ, 2000. – С. 36–56

² Лакан Ж. Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. М. 1997. - С. 54-55.

Подобные соображения способны существенно подорвать веру читателя в свои силы и вызвать соблазн вообще отказаться от аналитической работы, чтобы в полной мере испытать на себе несомненную суггестивную силу текстов Лакана - просто не подвергать "событийность" разрушающему действию рефлексии. Нужно сказать, что основная интенция данной работы прямо противоположна такому настроению. Нам представляется, что "герметический" стиль Лакана маскирует целый ряд достаточно строгих теоретических положений, которые можно и должно эксплицировать на языке более доступном для понимания (даже если подобный подход представляется школярским). Ближайшим способом реализации этой задачи может стать попытка прояснить, хотя бы в первом приближении, проблему отношений, которые существуют между ортодоксальными и структурным психоанализом.

Как известно, французский психоаналитик неоднократно и не без оттенка саморекламы утверждал, что единственная его заслуга заключается во внимательном прочтении текстов Фрейда. (Так, например, в работе "Функция и поле речи и языка в психоанализе" Лакан заявляет, что "все сказанное здесь даже по духу своему столь мало оригинально, что не содержит ни единой метафоры, которая не повторялась бы в работах Фрейда с частотой лейтмотива, проливающего свет на самый замысел их"¹.) Однако лакановская интерпретация столь часто и радикально расходится с буквальным содержанием первоисточника, что мысль о покорном ученичестве сразу же приходится отбросить. Хотя, с другой стороны, было бы в корне неверно объявить лакановское "Назад к Фрейду!" простым жестом уважения. Как нам кажется, ключом к пониманию этой непростой ситуации может послужить другое высказывание Лакана: "Подражать ему [Фрейду] дело безнадежное. Если мы хотим, чтобы речь наша вернула себе действенность речи Фрейда, то нужно обратиться не к терминам, а к лежащим в их основе принципам"². Ниже мы постараемся ответить на вопрос, почему лакановская "верность принципам" Фрейда с неизбежностью предполагала момент *преодоления*, а также обосновать утверждение, что в случае текстов основоположника психоанализа активное, "переписывающее" прочтение было наиболее адекватным.

В работе "Функция и поле речи и языка в психоанализе" (которая часто фигурирует как "Римский доклад") Лакан мотивирует необходимость возврата к первоначальному смыслу работ Фрейда "ухудшением психоаналитического дискурса". Речь, однако, идет не только и не столько о проблемах узкотерапевтического характера: состояние психоаналитического дискурса, фиксируемое Лаканом, представляется частным проявлением той, более глобальной проблемы, которая связана со способом рецепции открытий Фрейда в культуре. Как пишет по этому поводу Мамардашвили, "появившись на рубеже веков, в рамках традиционной культуры позитивного научного знания, психоанализ ас-

¹ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995. - С. 30.

² Там же. - С. 61.

симилировался согласно интеллектуальным навыкам классической эпохи XIX века, был воспринят в культуре согласно устоявшимся и уже существующим традициям и теориям", ввиду чего "новое понятийное содержание психоанализа, роднящее его скорее с такими явлениями в научной культуре XX века, как теория относительности или квантовая физика, ускользало от внимания."¹ Подобная ситуация во многом была спровоцирована самим Фрейдом: даже при поверхностном знакомстве с его текстами мы легко обнаруживаем некую двойственность, выражающуюся в его способности сочетать радикально инновационные моменты с традиционными мыслительными навыками, странную несоразмерность мысли и языковой формы. В качестве причины этой противоречивости можно, вероятно, указать на общую трудность "первопроходцев" в области знания (каковым, несомненно, является Фрейд), а именно - на отсутствие концептуального языка, способного должным образом представить принципиально новые содержания, в результате чего эти содержания рискуют на долгое время оказаться под спудом концептуальных окаменелостей и штампов.

Данная мысль подводит нас к парадоксальному на первый взгляд утверждению, что активная интерпретация, порывающая с языком оригинала, но сохраняющая чувствительность к его "революционным" потенциалам, может оказаться более адекватной "сути дела", чем буквальное прочтение, и к тому же быть не менее значимой, чем сам оригинал. В данном пункте мы ссылаемся на авторитет Мишеля Фуко, который признавал за Фрейдом (наряду с Марксом) не просто роль первооткрывателя новой области знания, но нечто более значительное - статус "учредителя дискурсивности". "Особенность этих авторов состоит в том, что они являются авторами не только своих произведений. Они создали нечто большее: возможность и правило образования других текстов." По Фуко это означает, что "не произведения этих учредителей располагаются по отношению к науке и в пространстве, которое она очерчивает, но как раз наоборот: наука и дискурсивность располагаются по отношению к их работам как к неким первичным координатам"¹. Тексты Фрейда (как основателя дискурсивности) в отличие от текстов, скажем, Ньютона и Галилея (как основателей науки) обладают совершенно особым статусом, они являются тем "источком", периодическим забвением и возвращением к которому, собственно, и живет новая парадигма. Причем "ретроспективное переписывание" не есть лишь своего рода привесок к "канону": "возвращение есть действительная и необходимая работа по преобразованию самой дискурсивности. Пересмотр текста Галилея вполне может изменить наше знание об истории механики, - саму механику это изменить не может никогда. Напротив, *пересмотр текстов Фрейда изменяет самый психоанализ...*"² (курсив наш).

Стратегия чтения, которую использует Лакан при работе с текстами своего учителя, носит, безусловно, активный характер и даже предполагает элемент "насилия" по отношению к оригиналу. Однако, если соглашаться с

¹ Мамардашвили М.К. О психоанализе // Необходимость себя. М., 1996. - С.335.

¹ Фуко М. Что такое автор? // Воля к истине. М., 1996. - С. 35.

² Там же. - С.37.

ходом рассуждений Фуко, подобное "насилие" санкционируется самим Фрейдом, так как одной из фундаментальных особенностей разрабатываемого им проекта оказывается принципиальная незавершенность и открытость для различного рода трансформаций. "Сказать, что Фрейд основал психоанализ ... это значит сказать, что Фрейд сделал возможным также и ряд различий по отношению к его текстам, его понятиям, к его гипотезам, - различий, которые все, однако, релевантны самому психоаналитическому дискурсу"³.

Пересечения мысли Лакана и Фрейда, также как их "невстречи" представляются в равной мере продуктивными: избранный Лаканом путь переформулировки основных понятий психоанализа позволяет ему демонтировать целый ряд концептуальных "фантомов" в этой области знания (пансексуализм, биологизм, антропологизм). Тем не менее, плодотворная работа по "преобразованию дискурсивности" была бы неосуществима в некоем интертекстуальном вакууме, без привлечения целого ряда влиятельных гуманитарных концепций XX века. В работах французского психоаналитика мы находим массу спорадических отсылок к Соссюру, Якобсону, Леви-Строссу и др., детальная проработка которых могла бы существенно прояснить вопрос, как стал возможен феномен Лакана. Осознавая всю сложность и объемность подобной задачи и не желая брать на себя слишком много, мы обратимся лишь к одной из вышперечисленных персоналий: ссылаясь на некоторые положения структурной антропологии Клода Леви-Стросса, мы постараемся проследить те трансформации, которые претерпевает ортодоксальный фрейдизм в версии Жака Лакана, сосредоточившись преимущественно на изменении трактовки одного из фундаментальных конструктов психоанализа - Эдипова комплекса. Однако, дабы представить преобразовательную работу Лакана более рельефно, нам хотелось бы прежде обрисовать "фон", на котором она осуществляется и несколько подробнее остановиться на вопросе рецепции идей Фрейда в культуре, а также попытаться указать на то, *чем не является* психоанализ.

Возвращаясь к проблеме, связанной с "ухудшением психоаналитического дискурса", можно констатировать, что построения Фрейда в основном были восприняты как скандальная и в то же самое время вполне наукообразная концепция, базирующаяся на утверждении, что человеческий "низ" (сфера темных инстинктов, витальных влечений) играет определяющую роль по отношению к "верху". В случае такого понимания прежде всего возникает вопрос о том, как же, собственно, следует относиться к этой "низовой" сфере человеческого бытия: надо ли удерживать асоциальные устремления в "подполье" (как полагает американская эго-психология) или же, напротив, высвободить их из-под культурного гнета (как считали Райх или Маркузе). Нетрудно догадаться, что восприятие психоанализа как очередной биологизаторской теории было в немалой степени инспирировано самим "отцом основателем", то бишь Фрейдом, строй

³ Там же. - С. 32.

мыслей, характер ассоциаций и язык которого были явно позитивистскими. Его работы часто демонстрируют крайнюю озабоченность тем, чтобы доказать, что новая дисциплина является *научно* фундированным мировоззрением. Хотя употребление слова "мировоззрение" здесь не совсем верно, так как для Фрейда оно связано с относительностью и предпосылочностью: одно мировоззрение сменяет другое и лишь наука, имеющая дело с реальными фактами, а значит - с истиной, может сохранять непреходящее значение. Стремясь упредить критику в ангажированности, он, в частности, пишет: "В действительности ... психоанализ - метод исследования, беспартийный инструмент, как, например, исчисление бесконечно малых величин"¹.

Однако, если основанную Фрейдом дисциплину и можно назвать наукой, то эта наука достаточно странная. Прежде всего, мы не можем говорить о существовании особого, устойчивого предметного поля психоанализа, а во-вторых, его категориальный аппарат - весьма специфического толка (Мамардашвили использует в данном случае эпитет "символический", но нам более удачным кажется слово "операциональный"). Для того, чтобы проиллюстрировать эти особенности, рассмотрим сначала феномен психоаналитического "припоминания" как способа излечения психоневрозов.

Расхожая трактовка механизма образования невроза выглядит примерно следующим образом: те или иные представления (образы, мысли, воспоминания), связанные с "естественными" (асоциальными) желаниями индивида входят в противоречие с императивами Культуры и подвергаются вытеснению в бессознательные слои психики. Но подвергнутый вытеснению материал сохраняет свою энергию и всячески (посредством описок, оговорок, истерических симптомов и т. д.) пытается заявить о себе, приводя психику в состояние внутреннего конфликта. В задачу же аналитика входит сломить сопротивление пациента, в результате чего травмирующее переживание допускается в сферу сознания, актуализируется и теряет свою патогенную силу.

Убеждение в том, что воспоминание откуда-то "извлекается" неявно предполагает такое понимание введенного Фрейдом концепта "бессознательное", при котором последнее оказывается своего рода "резервуаром" уже завершенных и лишь ожидающих своего часа образований. В данном случае бессознательное обретает черты "реально существующей" области, которая механически присовокупляется к структуре субъекта по аналогии с подвальным помещением, которое вырывается в уже построенном доме. Применительно к терапевтической практике это означает необходимость высвобождения лежащего "под спудом": грубо говоря, чтобы излечиться, пациент должен вспомнить нечто забытое.

Однако практика в скором времени показала, что актуализация воспоминания - не столько терапевтическая реальность, сколько едва достижимый идеал. (Речь идет о проблемах, связанных с феноменом так называемого "навязчивого повторения" (Wiederholungszwang), детальное рассмотрение кото-

¹ Фрейд З. Будущее одной иллюзии // Психоаналитические этюды. Мн., 1991. - С. 509.

рых заняло бы слишком много времени и места.)¹ Предположим, однако, что психоаналитику каким-то образом удастся проникнуть "по ту сторону" говоримого пациентом и выработать правильную версию причины невроза. Но как быть, если анализант не соглашается с навязываемой ему интерпретацией, не принимает того, что ему предлагается осознать? Признать несостоятельность аналитика или обеспечить ему алиби, сославшись на упрямство пациента? Быть может наиболее верным будет отказаться от мнения, что бессознательное хранит уже "готовые" воспоминания, которые остается только выпустить на "сцену" сознания? Как утверждает Мамардашвили, задачей психоанализа является отнюдь не освобождение вытесненного, *но активное переживание нового сознательного опыта*² (курсив наш). Или же, как говорит Лакан, опираясь на собственный терапевтический опыт: "Подвести субъекта к тому, чтобы признать и назвать по имени свое желание, в этом природа эффективности действий анализа. Но дело не в том, чтобы опознать нечто, что было бы уже наличным - данным - предназначенным для того, чтобы его схватить. Именуя, субъект создает, вызывает к жизни, дает случиться чему-то новому в мире"¹. То есть получается, что предмет психоанализа (в каждом конкретном случае) - то, что еще не существует, но должно возникнуть в рамках специально организованной ситуации: прошлое непредсказуемо и неизвестно как сбудется бывшее. "Здесь ... и скрыта важная черта психоанализа, отличающая его от классической теории, ибо во всех классических теориях есть всегда какой-нибудь заданный объект или область исследования, введенная путем определения или перечисления некоего множества объектов. И в этом смысле теория есть картина этих объектов или этого множества. Психоанализ же такого объекта и такой картины не имеет, что и вызывает недоразумение; поэтому психоаналитиков часто обвиняют в шарлатанстве, так как их понятия и их опыт действительно не обладают свойством эксперимента. То есть на могут быть воспроизведены другим исследователем и в другое время"².

Убедительность сделанных Фрейдом теоретических открытий во многом базировалась на обобщенном опыте случаев эффективного лечения. Претензия же психоаналитического метода на научность при восприятии его в культуре, чей "костяк" все еще составляли идеалы рациональности и научности, свойственные XIX веку, была равнозначна постулированию возможности повторить "чудо", то есть успешную практику самого Фрейда на основании четко формулируемого и транслируемого знания. Пояснения Фрейдом техник и принципов психоанализа, направленные на укрепление его позиций в сфере психиатрии и расширение сферы его влияния, тщательные толкования случаев из собственной практики, призванные обучить искусству анализа, сыграли, однако, с его последователями злую шутку, вызвав надежду повторить то, что повторить невозможно. Эта невозможность, по-видимому, обусловлена не столько гениаль-

¹ См., напр.: Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия // Психология бессознательного. М., 1989.

² Мамардашвили М.К. О психоанализе. - С. 340.

¹ Цит. по: Felman Sh. Jacques Lacan and the Adventure of Insight. Camb.;1987. - P. 131.

² Мамардашвили М.К. О психоанализе. - С. 340-341.

ностью самого Фрейда, сколько спецификой психоанализа, который работает не с "реальными", фактами, скажем, с объективными биографическими событиями, но с фактами, которые локализуются и вызревают, используя выражение Мамардашвили, "в пространстве смысла и понимания". Более того, если развить исходные принципы психоанализа до их логического предела, то возможность рассуждения о внеположенных этому "пространству" фактах, о реальности "в себе" оказывается достаточно сомнительной. Весьма важным в этом отношении является фрейдовское понятие последствия (*Nachträglichkeit*), исключая такие упрощенные истолкования, которые сводят психоаналитическую трактовку истории субъекта к линейному детерминизму воздействий прошлого на настоящее и подразумевающее, что события, разворачивающиеся в субъективном пространстве "смысла и понимания" не совпадают с фактами в привычном значении слова. То, что мы обозначаем как факт индивидуальной истории индивида, неотделимо от работы фантазматизации и постоянно перестраивается, переинтерпретируется в зависимости от изменения ситуации субъекта. Или, как говорит Лакан, "события зарождаются в первичной историзации; другими словами, история создается уже на сцене, где, будучи однажды записана, она тут же разыгрывается перед взорами совести, с одной стороны, и правосудия, с другой ... Мы помогаем ему [пациенту] осуществить сегодняшнюю историзацию фактов, уже обусловивших какое-то количество исторических "поворотов" в его существовании, то есть в определенном смысле признанных, или в определенном порядке подвергшихся цензуре"¹. Кстати говоря, в принципе ничто не мешает нам расширенно истолковать данные утверждения и объявить, что любой факт, чтобы стать таковым, должен сначала превратиться в некий квазиобъект, должен сперва быть воображен².

Коль скоро мы начинаем рассматривать психоанализ как процедуру, которая задействует *генеративные*, а не отражающие свойства психики, попытки так или иначе субстанциализировать бессознательное, говорить о нем как об особом регионе, заселенном "темными инстинктами" и вытесненными представлениями, кажутся неправомерными. Представляется, что центральной для данной дисциплины является не проблема поиска детерминаций, находящихся "по ту сторону" сознания, напротив, опыт психоанализа показывает, что "в самом сознании, не выходя за его рамки, возможны и существуют неконтролируемые механизмы и зависимости. Не те, которые вне сознания и действуют на сознание, трансцендентные ему, нет, а неявные механизмы и зависимости, которые есть в самом сознании"². Как пишет Ш.Фелман, подчеркивая радикальность фрейдовского открытия, бес-

¹ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. — С. 30.

² Таким образом, между субъектом и объектом возникает непреодолимый разрыв, который у Лакана тематизируется как зазор между "глазом и взглядом", в результате чего реальность, доступная субъекту желания оказывается целиком фантазматической. Не случайно в его концепции термин "реальное" никак не связан с нашим представлением о действительности; "реальное" - это то, что в принципе не может быть высловлено, означено, своего рода "вещь-в-себе", о которой мы можем сказать лишь то, что она существует.

² Мамардашвили М.К. О психоанализе. - С. 338.

сознательное "отныне уже не является - как традиционно полагалось - простой изнанкой сознания, это скорей барьер, *Spaltung*, трещина внутри самого сознания; речь ведется уже не о различии сознания и бессознательного, о неотъемлимом, неустранимом различии между сознанием и им же (between consciousness and itself)"³.

О том, что Фрейд считал обнаруженную им область чем-то вполне гомологичным сознанию, обладающей своего рода "логикой", свидетельствует его пристальное внимание к тем феноменам, которые до него в науке рассматривались как некий психический "мусор". Различные виды парапраксиса, бессвязные и бессмысленные, казалось бы, сновидения становятся для него объектом серьезного исследования, тщательной семиотической расшифровки. Повторим, речь идет о наличии в *самом* сознании механизмов, которые в случае нормального функционирования психики (хотя представление о норме весьма условно) успешно экранируются и все выглядит так, как если бы опыт самосознающего субъекта был совершенно самодостаточным и беспредпосылочным. Другое дело, когда имеет место нарушение привычного ритма, "поломка", вот тогда-то мы и сталкиваемся с реальностью механизмов, о существовании которых и не подозревали, и именно здесь начинается кропотливая работа аналитика. Не случайно Лакан в свое время станет проблематизировать бессознательное в терминах прерывности, лакуны, разрыва. ("Прерывность ... является той существенной формой, в которой впервые обнаруживается феномен бессознательного - зазор, в котором нечто осциллирует"¹.)

Вышеприведенные рассуждения о статусе "бессознательного" в рамках психоанализа были призваны подкрепить тезис о том, что категории, на которые опирается данная дисциплина носят операциональный характер, то есть относятся не столько к описанию объектов, сколько к заданию условий исследования. При этом важно постоянно держать в уме, что всякое психоаналитическое исследование имеет "штучный", неповторимый характер, ибо если психоанализ и можно назвать наукой, то это наука о партикулярном, черпающая свои базовые интуиции из весьма специфической практики - практики общения аналитика и пациента, ориентированной на поиск "истины" данного, конкретного, осязаемого субъекта. Как говорит сам Лакан, быть хорошим аналитиком, значит быть способным очутиться в самом «сердце конкретной истории, в регистре, где ни одна истина не воспроизводима в форме генерализируемого и всегда истинного знания. (...) Та или иная операция в поле аналитического действия предшествует образованию знания, что не отрицает того факта, что, работая в этом поле, мы формируем знание»².

³ Felman Sh. Ibid. - P. 57.

¹ Lacan J. Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis. N.-L., 1981. - P. 25.

² Цит. по: Felman Sh. Ibid. - P. 157.

По-видимому, притягательность и очарование психоанализа не в последнюю очередь связаны именно с тем, что основой теоретических построений и спекуляций в этой области является практика, чреватая загадками и откровениями действо, разворачивающееся в кабинете аналитика. Однако психоанализ никогда не довольствовался перспективой замкнутости в узкотерапевтических рамках, осуществляя экспансию в сферу исследований культуры, литературной критики, философии как таковой, причем подобное стремление к расширению границ собственной компетенции суть, скорее всего, существенная, а не случайная черта этой дисциплины. Сам Фрейд оценивал значение своей доктрины чрезвычайно высоко, так, в работе "Психоанализ и медицина" он пишет: "В качестве "глубинной психологии" учение о психическом бессознательном может стать необходимым для всех наук, занимающихся происхождением человеческой цивилизации и ее важнейших институтов, таких, как искусство, религия, общественный строй"¹. Однако именно эти экскурсы в запредельные конкретной практике сферы как правило вызывают наибольшее число возражений со стороны противников психоанализа, ибо у Фрейда они зачастую сопряжены с простым механическим переносом терапевтических схем на реальность Культуры (как если бы социум был чем-то вроде коллективной человеческой особи, причем явно страдающей неврозом).

Весьма примечательна в этом отношении "судьба" мифа об Эдипе, который первоначально был задействован Фрейдом для обобщения данных его самоанализа, чтобы в дальнейшем превратиться, пользуясь выражением Ш.Фелман, в "центральный сюжет" (the specimen story) психоанализа, в универсальный объяснительный принцип, обосновывающий претензию Фрейда, ни много ни мало, на прояснение истоков человеческой цивилизации. Так, в своей работе "Тотем и табу" он пишет, что в "Эдипе" "совпадает начало религии, нравственности, общественности и искусства в полном согласии с данными психоанализа, по которым этот комплекс составляет ядро всех неврозов, поскольку они до сих пор оказывались доступными нашему наблюдению"¹. Отталкиваясь от гипотезы Дарвина-Аткинсона, Фрейд связывает полумифическое событие убийства отца, главы первобытной орды, с одной стороны, с глобальной перестройкой человеческой психики (трансформацией запретов отца в интериоризованные запросы "сверх-Я"), а с другой - с возникновением тотемизма, как своеобразной точки отсчета развития культуры. Однако приводимое им объяснение психологического механизма этого перехода (через компенсацию чувства вины за содеянное) оставляет открытым вопрос о том, что же гарантирует устойчивость запрета на инцест на протяжении истории, что обеспечивает действенность традиции и "заставляет наш внутренний голос признать принудительную силу предназначения Эдипа...?"².

¹ Цит. по: Сэв Л. Психоанализ и исторический материализм // Клеман Б. Брюно П. Сэв Л. Марксистская критика психоанализа. М., 1976. - С. 87.

¹ Фрейд З. Тотем и табу // "Я" и "Оно"., кн. 1, Тб., 1991. - С. 166.

² Цит. по: Felman Sh- Ibid. - P. 101.

Но вернемся к проблеме соотношения ортодоксального и структурного психоанализа. Выше мы уже говорили о том, что последний был бы едва ли возможен без влияния ряда гуманитарных концепций XX века. Сам Лакан неоднократно сетовал на то, что по иронии судьбы и географии Фрейд не смог сам воспользоваться адекватным инструментом для артикуляции своих идей, так как не был знаком с достижениями структурной лингвистики, русской формальной школы и, тем более не мог ничего знать о разработках Леви-Стросса, появившихся уже после его смерти. Собственное мнение Лакана относительно возможностей, которые предоставляла для психоанализа современная ему гуманитаристика, достаточно четко сформулировано в следующем пассаже из "Римского доклада". "Поскольку предмет наш обязан своей научной ценностью исключительно тем концепциям, которые были выработаны Фрейдом в ходе его исследований - концепциям еще недостаточно критически проработанным и сохраняющим тем самым двусмысленность вульгарного словоупотребления, которая, идя им на пользу, создает в то же время опасность лишних недоразумений, - разрыв со сложившейся терминологической традицией представляется нам преждевременным. Однако нам кажется, что мы только проясним эти термины, если приведем их в соответствие с языком современной антропологии и проблемами новейшей философии, в которых психоанализ без труда узнает свои собственные"¹.

Структурная антропология, одно из основных звеньев, опосредующих психоанализ Фрейда и Лакана, задает новый ракурс рассмотрения вопросов, связанных с темой "Эдипа": в приводимом у Леви-Стросса объяснении проблемы традирования причины биологического порядка ("архаическая наследственность") уступают место устойчивой эффективности социальных институтов. Анализируя проблему универсальности запрета на инцест, Леви-Стросс видит в феномене экзогамии не столько запрещение кровосмесительных связей, сколько форму узаконивания обмена между социальными группами: табу на кровосмешение - это скорее "правило, обязывающее отдавать мать, сестру и дочь. Это преимущественно право на дар"¹. Таким образом, запрет на инцест оказывается той вехой, которая фиксирует и обеспечивает переход от Природы к Культуре, его эффективность коренится не в живучести исторической традиции, но в его актуальной функции предпосылки и условия самой возможности человеческой истории. "С одной стороны он принадлежит Природе, поскольку является общим условием Культуры, и, следовательно, не стоит удивляться, что он получает от природы ее фундаментальную черту, т.е. универсальность. С другой стороны, действуя и навязывая изнутри свое Правило явлениям, которые сперва от него никак не зависят, он уже является Культурой"². Наиболее существенным для нас является то, что Леви-Стросс осуществляет сдвиг в сторону различения межличностных отношений участников обмена и процесса их структурирования: система обмена

¹ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. - С. 9-10.

¹ Цит. по: Брюно П. Психоанализ и антропология. Проблемы теории личности. - С. 175.

² Цит. по: Фурс В.В. Проблема идентичности субъекта во французской философии XX века // Философия и философы: взгляд молодых. Мн., 1997. - С. 76.

оказывается первичной по отношению к установкам и предпочтениям ее агентов, эти последние предстают не как исходная точка объяснения, но как один из ее конечных пунктов. "Ни одно из отношений не может быть произвольно изолировано от всех остальных, нельзя быть вне мира отношений: социальную среду нельзя рассматривать как пустую рамку, внутри которой живые существа и вещи могут быть либо произвольным образом связаны, либо просто поставлены рядом"³. Или, как потом скажет Лакан, поясняя интуицию Леви-Стросса, прежде, чем появится тот, *кто* считает, должна существовать система счета⁴. Опора на методологический принцип Леви-Стросса, исключая ссылки на (производные по своей сути) очевидности индивидов и провозглашающий приоритет системы социальных связей над личными предпочтениями ее участников, приводит Лакана к такому пониманию Эдипова треугольника, которое порывает с классической трактовкой, выдвигающей на передний план

репетитивности влечения, ненависти и соперничества или же, пользуясь более строгим языком "упорядоченную совокупность любовных и враждебных желаний ребенка, направленных на родителей"¹

Переходя к лакановской трактовке, нам, по видимому, не миновать разговора об известной (быть может, даже слишком известной) триаде понятий "Реальное-Воображаемое-Символическое", так как специфика Эдиповой стадии артикулируется у него именно в этих терминах.

Самое проблематичное (в силу его неуловимости в психоаналитическом опыте) Реальное легче всего заключить в скобки. Здесь достаточно указать на его неоднородность с двумя другими функциями, а также на тот факт, что его "непредставимость" связана с наличием неустранимого зазора между субъектом и реальностью. В свою очередь, говорить о Символическом и Воображаемом отдельно, "значит закреплять иллюзию, что мы можем иметь относительно чистый опыт того и другого"², в то время как в зрелой психике эти регистры функционируют синхронно. Однако, сам психоанализ обеспечивает нас инструментом разрешения этой проблемы, предоставляя схемы стадияльного развития психики, в которой моменты их формирования могут быть рассмотрены как разделенные во времени. Другую возможность дистинкции предоставляет патология, обеспечивающая примеры нарушения баланса порядков.

"Ранний" Лакан связывает опыт Воображаемого с так называемой "стадией зеркала", на которой ребенок начинает идентифицировать себя с гештальтами тел окружающих его людей или же с его собственным зеркальным

³ цит. по Брюно П. Психоанализ и антропология. Проблемы теории личности. - С. 175.

⁴ См.: Lacan J. Four Fundamental Concepts of Psychoanalysis. - P. 20.

¹ Έπίτομη Ἐ. Ἰϊδάκη Ἐ.-Ἄ. Νεϊάδου ἢ ἱερόισιῶέεζο. ἱ., 1996. - Ἰ. 202.

² Jameson F. Imaginary and Symbolic in Lacan: Marxism, Psychoanalytic Criticism, and the Problem of the Subject // Literature and Psychoanalysis. Balt.-L., 1982. - P. 350.

образом. Однако не стоит делать далеко идущих выводов о том, что факт узнавания себя в зеркале закладывает "онтологические основания возможности "ego" или же идентичности в психологическом смысле, или же вообще в смысле гегелевского самосознания"¹. Для Лакана стадия зеркала связана прежде всего с первым опытом отчуждения, с установлением между индивидом и его собственным *imago* непреодолимого разрыва. "Стадия зеркала ... представляет собой драму, чей внутренний импульс устремляет ее от несостоятельности к опережению - драму, которая фабрикует для субъекта, попавшегося на приманку пространственной идентификации, череду фантазмов, открывающуюся расчлененным образом тела, а завершающуюся формой его целостности, которую мы назовем ортопедической, и облачением, наконец, в ту броню отчуждающей идентичности, чья жесткая структура и предопределяет собой все дальнейшее его умственное развитие"². Выражаясь иначе, при появлении на свет ребенок оказывается выброшенным в состояние неполноты, нехватки, усиливаемое почти полной беспомощностью, которая характеризует младенца в первые год-два его жизни. Вынужденный в течение длительного периода выносить дискомфорт от неспособности к моторной координации, ребенок (если верить Лакану) ощущает себя как бы распадающимся на части, неравным себе в различные моменты времени ("параноидальная телесность"), поэтому отождествление себя с целостным (зеркальным) образом оказывается весьма соблазнительным. Этот опыт неразрывно связан с опытом диссоциации (он видит себя не там, где находится) и отчуждения, так как идентификация приходит как бы "извне": "Чем иным является Я, как не чем-то, что первоначально переживалось субъектом как нечто ему чуждое, но, тем не менее, внутреннее. Субъект первоначально видит себя в другом, более развитом и более совершенном, чем он сам"³. Итак (следуя лакановской "феноменологии духа") ребенок приобретает образ своего тела, но у него еще не сформировано "ego", способность отделять Я и не-Я: возникает мир, состоящий из тел и образов, в котором каким-то образом отсутствует феноменологический центр, привилегированная точка наблюдения. Поэтому (используя формулировку Джеймсона) Воображаемое можно определить как "ситуативный опыт "другого" (otherness), как чистого отношения", в котором индивид с равным успехом может занимать позицию того или иного термина, или даже двух одновременно.¹ По определению Лапланша и Понталиса, Воображаемое, рассмотренное с внутрисубъектной точки зрения - это "дуальное отношение, основанное на образе себе подобного ... и запечатленное в этом образе. Для Лакана, человек, подобный мне, - мое другое Я - существует лишь постольку, поскольку Я - это изначально другой"². Иными словами, в опыте Воображаемого субъекта и объекта, строго говоря, не существует, они теряются в перманентном перетекании одного в другое, в постоянном амбива-

¹ Ibid. - P. 353.

²² Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я // Инстанция буквы в бессознательном. - С. 11.

³ Цит. по: Качалов В.П. Заблуждение тех, кто не считает себя обманутыми // Логос, 1992, №3. - С. 178.

¹ Jameson F. Ibid. - P. 356.

² Лапланш Ж. Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. - С. 112.

лентном удвоении. Субъект, как феноменологический фокус и мир, как "окружающий" могут "материализоваться" лишь если бесконечная игра отражаемого и отражающего приостановлена введением третьего, опосредующего термина, то есть собственно Другого или Языка. Как говорит Лакан, "из модулированной пары присутствия и отсутствия ... и рождается та вселенная языкового смысла, в которой упорядочивается в последствии вселенная вещей. С помощью того, что воплощено лишь в качестве следа некоего небытия и чей носитель с момента воплощения измениться не может, концепт, храня длительность преходящего, порождает вещь. (...) Именно мир слов и порождает мир вещей, поначалу смешанных в целом становящегося "здесь и теперь", порождает, сообщая их сущности свое конкретное бытие, а тому, что пребывает от века ... свою вездесущность. Итак, человек говорит, но говорит он благодаря символу, который его человеком сделал"³.

Как мы увидим в дальнейшем, Лакан связывает Эдипову стадию с процессом вхождения в порядок Символического, в результате чего человеческая особь становится человеком в полном смысле этого слова.

Для экспликации различий традиционной и лакановской трактовки Эдипова комплекса мы обратимся к достаточно известному примеру из практики психоанализа. Речь идет о случае, описанном у Мелани Кляйн и в дальнейшем проинтерпретированном Лаканом, - случае "маленького Дика", мальчика, больного аутизмом, который в свои 4 года оставался примерно на уровне развития 15-18-месячного ребенка. Он фактически не говорил, а если и говорил, то с нарушением элементарных языковых норм, не откликался на свое имя, не пытался установить эмоциональные отношения с предметами и другими людьми, как если бы их просто не существовало. Одно из немногих исключений составляла игрушечная железная дорога, к которой мальчик проявлял хоть какой-то интерес. И именно это Кляйн попыталась использовать как зацепку. Минувя вопросы, связанные с ее собственной концепцией и несколько огрубляя существо дела, можно сказать, что основной ее целью было внедрение в сознание Дика комплекса Эдипа, для чего она вслух обозначила маленький паровозик как "Дика", большой как отца, а дверной проем ("вокзал") как мать. Последующая фраза Кляйн "Дик едет к маме", сыгравшая решающую роль в ходе анализа (сопровождаясь передвижением паровозика-Дика по направлению к дверному проему-маме) заставляет нас вспомнить о том, что Фрейд неодобрительно называл "диким психоанализом", так как представляет собой прозрачную попытку сказать мальчику о том, что он испытывает сексуальное желание к своей матери. Однако эта, грубая интервенция аналитика, как это ни странно, сработала. Опус-

³ Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. - С. 46.

кая многочисленные, совершенно ненужные нам детали, скажем, что с этого момента маленький пациент начинает прогрессировать: наконец-то проявляет интерес к общению, "открывает" для себя новые и новые предметы, стремительно обогащает свой словарный запас и т.д. Что же, собственно, произошло, за счет чего стал возможным столь поразительный эффект? (Причем вопрос этот для психоаналитика - далеко не праздный.) По мнению Лакана, работа, проделанная Кляйн заключается, прежде всего - в обеспечении вербализации и внедрения символизма в психику ребенка". Она буквально дает имена тому, что, безусловно, имеет отношение к символу, поскольку может быть непосредственно названо, но что было до сих пор для данного субъекта лишь реальностью в чистом виде."¹ Тем не менее, это не следует воспринимать как именование элементов субъективного опыта посредством подстановки на их место символических субститутов, речь идет скорее о введении ребенка в *систему отношений между субститутами*, то есть, собственно, в язык. Для того, чтобы уловить

специфику лакановского подхода, мы должны отказаться от наивных представлений о языке, сводящих его функцию к референции (объектов или же субъективного опыта, в котором эти объекты даны). Дело в том, что для Лакана, во многом опирающегося на достижения лингвистики Соссюра, сама возможность субъективности, различения себя и мира многообразных объектов опосредована вхождением в язык как *систему* различий, где значение элементов не является предзаданным, но определяется их расположением по отношению к целому, и только из этой системы может быть позаимствована оппозиция собственного и несобственного. Как пишет Лакан, связь языкового элемента с множеством других "предшествует любой возможной связи этого элемента с конкретным опытом субъекта"². Речь, стало быть, идет не о "вертикальном" измерении, где происходит "прикрепление" слов к вещам, но о "горизонтальном", в котором язык предстает как нечто автономное, порождающее собственные резонансы и эффекты (в определенном смысле - и сам вещный универсум).

"Коль скоро операция наименования устанавливает отношение элемента к системе - языку - а не просто к Я, которое здесь превращается лишь в еще один элемент этой же системы, Символическое функционирует как такое размещение субъекта, когда он занимает третью, дифференциальную позицию; это одновременно и место, *в котором* происходит усвоение дуального отношения [Воображаемого], и место, *посредством которого* это отношение артикулируется, и то, что превращает субъекта в лингвистическое означающее в рамках системы, позволяя ему стать символически соотнесенным с другими людьми..."¹. Иными словами, заслуга Кляйн для Лакана заключается не в том, что она дала ряд остенсивных определений, то есть установила связь Дика с каждым отдельным предметом, "чудо" свершилось, когда была выстроена связь между самими предметами, а точнее (коль скоро речь идет о языке) - между их

¹ Лакан Ж. Семинары, кн. 1: Работы Фрейда по технике психоанализа (1953/54). М., 1998. - С. 94.

² Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. - С. 44.

¹ Felman Sh. Ibid. - P. 155.

символическими заместителями. Отождествившись с одним из элементов тернарной структуры ("большой - маленький паровоз - вокзал" или же "Отец-Дик - Мать"), мальчик впервые приобретает возможность самоидентификации через отличие от двух других элементов. Для Лакана иной идентичности, чем заданной посредством различий, просто не существует.

Приведенный пример демонстрирует отход Лакана от традиционной трактовки Эдипова комплекса, в рамках которой он предстает своего рода предельным означающим человеческой психики, как некий универсальный ответ на вопрос, чего же, собственно, желает субъект (конечно же - инцестуозной связи с матерью). Для Лакана "Эдип" является не столько означаемым, сколько означающим, не значением, но структурой. Как пишет Ш.Фелман, базовая для лакановской концепции треугольная схема "не просто психологический треугольник любви и соперничества, но социо-символическое структурное расположение субъекта в сложной конstellляции альянса (в семье как элементарной ячейке общества)..."¹. В этом смысле Лакан и Фрейд "опосредованы по меньшей мере Б.Малиновским и К.Леви-Строссом, в работах которых универсализм ... Эдипова треугольника как структуры семьи подвергался все большей релятивизации и функционализации."²

Интересующая нас стадия связывается у Лакана преимущественно с моментом инициации индивида в человеческую культуру, а с точки зрения конкретных механизмов - с переходом от дуального отношения (ребенка, скажем, к телу матери), в котором субъект и объект, "свое" и "чужое" теряются в бесконечной игре взаимопревращений, к треугольной перспективе Символического, где субъекту наконец предписывается его "место". "В драме Эдипа в мифологической форме представлена история ниспровержения зеркальной иллюзии, посредством введения различия в образе Третьего: Отца, закона, Языка, реальности смерти, что по Лакану означает конституирование бессознательного как "друговости" по отношению к себе, одновременно разрушительной и радикально эксцентричной для зеркального, нарциссического отношения самости (self) к другим и к самой себе."³ Эдипов комплекс - "не значение, но структура, лингвистическая структура, посредством которой устанавливаются символические отношения к другим человеческим существам; структура, в которой значение - сексуальное значение - может быть артикулировано и вписано уже впоследствии (курсив наш)"⁴.

Лакановская интерпретация опыта Кляйн содержит и другую, весьма важную импликацию, которую мы затронули лишь частично: язык не только *значит*, но и *действует*, как в случае Дика - воссоставляет субъективность и организует аморфную неразличенность Реального в мир дифференцированных объектов и событий. ("Именно мир слов и порождает мир вещей, поначалу смешанных в целом становящегося "здесь и теперь" ...") То есть, речь идет о суще-

¹ Felman Sh. Ibid. - P. 104.

² Автономова Н.С. Власть в психоанализе и психоанализ власти // Власть: очерки современной политической философии Запада. М., 1989. - С. 283.

³ Felman Sh. Ibid. - P. 105.

⁴ Ibid. - P. 104.

ствовании "другой сцены" языка, где он действует не информативно, но перформативно; именно таким образом сработала, например, вербальная формулировка Кляйн. Отсюда вытекает ряд весьма интересных для понимания природы эффективности деятельности аналитика следствий: оказывается, что инструмент психоаналитической практики, то есть, собственно, речь является изоморфным сфере бессознательного. Однако научиться пользоваться этим инструментом далеко не так просто, ибо эффективность, например, интерпретации аналитика связана не с предметным значением произносимого, но с теми перформативными действиями, которые производит речь и результатом которых может стать формирование нового сознательного опыта у пациента (который у Лакана связывается с опытом реализации "наполненной речи"). Причем эти действия не могут быть заранее учтены, и, тем более, не могут быть означены (так как всякая попытка проинтерпретировать интерпретацию породит новые, уже собственные эффекты). Таким образом, опыт психоанализа приводит к отрицанию возможности какого-то ни было метаязыка, никто (аналитик - в частности) не свободен от воздействия резонансов означающего. "Всякое авторитетное высказывание не имеет ... никакой авторитетной гарантии, кроме самого акта высказывания; искать таковую в другом означающем бесполезно, ибо нигде, кроме этого самого места, она заведомо появиться не может. Именно это мы имеем в виду, утверждая, что нет мета-языка, на котором можно было бы говорить, или, в более афористичной форме: у Другого нет Другого"¹. Отсюда вытекает необходимость отказа от иллюзии, что в рамках психоаналитического исследования терапевт выступает как дистанцированный наблюдатель, который обладает неким высшим пониманием того, что происходит в процессе сеанса; как заявляет Лакан, понимание вообще не имеет ничего общего с психоаналитической интерпретацией.¹ Аналитику нужно не столько "понимать", сколько, говоря или сохраняя молчание, - действовать, организовывать ситуацию общения так, что бы нечто ("истина субъекта") могло прийти к своему осуществлению. Используя язык Шошаны Фелман, мы можем сказать, что Лакан вводит в психоаналитическую науку "симптом наблюдателя", что обеспечивает когерентность психоанализа с такими неклассическими теориями, как теория относительности или квантовая физика: в его рамках присутствие исследователя включается в область данных, сам наблюдатель оказывается "фундаментальной, ... формативной частью наблюдаемого"².

Постараемся подытожить сказанное: акцентируя экстраординарное значение феноменов символической артикуляции для формирования и функционирования человеческой психики, Лакан преодолевает антропологизм и натурализм Фрейда. При этом упраздняется за ненадобностью проблема противостояния природно-биологического и социального полюсов, зачастую рассматриваемая как центральная для психоанализа, ибо, как показывает Лакан, переход от Природы к Культуре, вновь и вновь воспроизводимый в судьбе каждого

¹ Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда // Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда. - С. 167-168.

¹ См.: Felman Sh. Ibid. - P. 108.

² Ibid. - P. 63.

человеческого индивида, необратим. Так, например, желание (традиционно зачисляемое в рубрику "естественных" феноменов) в его концепции становится возможным лишь по прохождении "горнила" символической артикуляции. Как пишет Джеймисон, для "Фрейда и Лакана желание необходимо возникает в "связном" виде, то есть включенным в определенное представление или структуру образа ... В этом смысле не существует чистых инстинктов, или импульсов, которые затем подыскивают подходящие реальные или воображаемые объекты. Настолько глубоко, насколько можно проникнуть в психику, желание всегда обнаруживает себя как уже кристаллизованное или артикулированное в особой конфигурации"³.

Однако проводить вектор обусловливания лишь в одном направлении, от Языка к субъекту, было бы преждевременно, так как для Лакана полное растворение индивидуального начала в потоке внешних детерминаций - немислимо, и по-видимому не последнюю роль в этом сыграла сама специфика психоаналитической работы, ориентирующей исследователя на поиск формулировки "истины субъекта". Действительно, язык в некотором роде выступает как "обыкновенный фашист", дарующий возможность самоидентификации ценой непреодолимого самоотчуждения - принятие имени собственного и грамматической категории "Я" фактически совпадает с формированием бессознательного. Таким образом, что опосредованный в языке субъект "оказывается неизбежно и непоправимо расколотым (Spaltung), так как исключается из цепи означающих в тот самый момент, когда оказывается представленным."¹ Однако, будучи (метафорически) вытесненным из цепочки означающих своими языковыми заместителями, субъект (метонимически) присутствует в ней как основа артикуляции, образно выражаясь, он заявляет о себе в "пробелах между словами", оставаясь неуловимым для любых попыток окончательной репрезентации. Мы можем сказать, что "истинный" субъект ("je"), в отличие от эпифеноменальной конструкции нарциссического, "воображаемого" субъекта ("moi") находится вне всякой рефлексии, будучи ее основой, и как таковой не имеет завершенной сущности, поскольку сущность предполагает бытие чем-то, в то время как децентрированный, процессуальный "субъект бессознательного" не есть, но "бывает", "бавится".² Человеческая субъективность немислима вне процесса саморазличения, вне артикуляции, однако человек - не просто безличный функционер языка, так как языковое значение, в свою очередь, невозможно без участия индивида. Или, как говорил Лакан (отрицавший предопределенность связи означающего и означаемого) приостановка перманентного "скольжения" означаемого под означающим, то есть, собственно, конституирование значения, осуществляется не иначе как посредством индивидуального акта расстановки "знаков пунктуации", внесения членений в дискурс (см. так называемый "полный граф"¹). Если же выражаться несколько проще, можно

³ Цит. по: Горных А.А. Проблема текста: психоаналитические аспекты // Вестник БГУ, сер. 3, 1995, № 1.- С. 31.

¹ Jameson F. Ibid. - P. 345.

² Гараджа А.А. *ἰαίτη δόξαι ἐπέσει: ἰδία ἐαῖα + ἀεῖα ἀεῖα // ἰδία ἐαῖα ἐπιτεαῖ ἐπιταῖ ἐσφ+αῖεῦ +ἀεῖα ἀεῖα. ἀὐπ. 2, Μ., 1988. - С. 5.*

¹ Лакан Ж. Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда. - С. 170.

просто сказать, что человек, с одной стороны, задействуя означивающие механизмы языка, "конструирует" факты в процессе активной интерпретации, наделения их субъективным смыслом, но, с другой стороны его поведение оказывается predetermined им же созданной трактовкой. Так, например, влюбленный, по собственному почину обожествляющий предмет своей страсти, одновременно оказывается вынужденным принять на себя роль "безумно влюбленного" со всеми вытекающими отсюда последствиями¹. Или как пишет сам Лакан: "Символическая функция обнаруживает себя как двойное движение внутри субъекта: человек сначала превращает свое действие в объект, но затем ... снова восстанавливает это действие в качестве основания." Вследствие чего, к примеру, "на первом этапе человек, занятый в общественном производстве, зачисляет себя в разряд пролетариев, на втором он, во имя принадлежности к ним, принимает участие во всеобщей забастовке"².

Самым главным здесь, пожалуй, является то, что игра взаимообусловливающих в принципе не может быть остановлена: значение продуцируется субъектом в процессе "пунктуации", но, с другой стороны, субъект продуцируется посредством значений, представленных в означающей цепи, "самость" реализуется только посредством возможностей, предоставляемых дискурсом. Поэтому целостный, окончательный опыт самого себя не может быть дан изначально (это такая дисконтинуальность, которой не предшествует никакое "единое") и недостижим в пределе - пользуясь терминологией Эмиля Бенвениста, мы можем сказать, что "субъект акта высказывания" и "субъект высказанного" (у Лакана - "субъект означающего" и "субъект означаемого") никогда не совпадают. Поэтому ситуация человека, устремленного к "самому себе" оказывается сродни ситуации выбора "жизни или кошелька": либо он отказывается от идентичности, реализуемой "вовне" (в общепринятом языке как основе интересубъективности), а, следовательно, от возможности самоидентификации как таковой, либо смиряется с неизбежно отчуждающим характером любой идентификации, так как в противном случае он рискует вообще выпасть из сферы реализуемых на символической основе человеческих отношений (коль скоро человек изначально конституирован как интересубъективность). Эту особенность лакановского подхода, отрицающего возможность "человеческого" вне дискурсивной практики, "сущности" - вне процесса ее формования, понимания - вне попыток его артикуляции, очень точно зафиксировал Мамардашвили: "Обычно посылка у нас такая, что существуют якобы ясные для себя, прозрачные содержания мысли, которые находят языковую форму и пользуются ей как средством выражения. А в действительности существует такая вот штука, что нужно начать строить конструкцию, написать, например, закон или слово, и лишь тогда начинается порождение того, чего ты сам не знал. И никогда не будет такого состояния, когда ты предварительно все будешь знать, а потом его выразишь. Значит

¹ Lapsley R. Westlake M. Film theory: an Introduction. Manchester, 1988. - P. 53.

² Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. - С. 55.

какие-то вещи появляются и становятся только в зеркальном пространстве резонанса. В начале было Слово!"¹.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

¹ Мамардашвили М.К. О психоанализе. - С. 350.